

АННА ИЛЬИНА

Родовые дымы

Анна Ильина
Родовые дымы. Книга стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35238504

ISBN 9785449308009

Аннотация

Стихи пишут многие художники. Если взглядеться в самые дальние глубины истории, тому найдется масса примеров. Очевидно, литературная и изобразительная ветви человеческой деятельности растут из одного корня – желания и способности к самовыражению.

Содержание

Предисловие	6
Из цикла «Времена души»	9
«Октябрь прошел – и ахнуть не успела...»	9
«Всевластье ожидания зимы...»	10
«Ты ночью вернулась, зима...»	12
«И новый век прикинулся незрячим...»	13
«Неразгаданный мир – вот мое родовое село...»	14
«Верна себе – от жизни отстаю...»	15
«Я знала наперед: гроза пройдет...»	16
«Вытри слезы, умойся...»	17
«Святое право: снова в жизнь влюбляться...»	18
«Твердить, как некое заклятье...»	20
«Заброшены и молчаливы...»	21
«За иконою окна в сосновой раме...»	22
«Наедине с мерцающей звездой...»	23
«Облака над землею стремительно мчатся...»	24
«Сменилось поколение травы...»	25
Черный квадрат	26
«Весною раннюю убоги...»	27
«Я озябну сто раз и согреюсь, а снегу кружить...»	28
Взгляд с перевала	29

«Когда листва лесная станет прахом...»	30
«И снова Зодиак сомнет страницы...»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Родовые дымы

Книга стихов

Анна Ильина

Редактор Ольга Юрьевна Исаченко

Фотограф Евгения Геннадьевна Дементьева

© Анна Ильина, 2018

© Евгения Геннадьевна Дементьева, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4493-0800-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Стихи пишут многие художники. Если взглядеться в самые дальние глубины истории, тому найдется масса примеров. Очевидно, литературная и изобразительная ветви человеческой деятельности растут из одного корня – желания и способности к самовыражению. Это в первую очередь приходит в голову, когда знакомишься со стихами Анны Ильиной. Читателя привлекает то цветное пятно:

...на стекло лобовое машины прилип
лист осины рубиновый – благодарение —
то росчерк тушью:
...иероглиф лапы птичьей

вдруг озадачит графикой своей... Стихи не требуют иллюстраций – они сами себе иллюстрации:

Весною раннюю убоги
странноприимные леса:
на сиротливые дороги
упали в лужи небеса.

И кому, как не художнику, знать, что мир наделен множеством красок и оттенков (а пресловутый черный квадрат – попросту черная дыра), и без теней не был бы так ярок свет?

...Живешь – слава Богу

прими же за честь
привычку стенать в безучастное небо
в надежде на новое лучшее.
Здесь
всегда не хватает то зрелищ, то хлеба.
...Виновны и в этом,
виновны и в том,
со всем человечеством и персонально,
ребята, давайте писать о другом,
и если получится – не о печальном.

Анна Ильина (официально Анна Васильевна Куренева) – театральный художник. Ее основное место работы – Центр детского творчества г. Краснотурьинска, но, наверное, ни одна сцена этого небольшого городка на севере Свердловской области не обошлась без знакомства с ее декорациями. Здесь, в Краснотурьинске, Анна прожила почти всю сознательную жизнь и считает себя «уралкой», хотя родилась в поселке под Куйбышевом (теперь Самарой).

Много рассказывать о себе Анна не любит, считая, что в ее биографии нет ничего интересного – училась, работала, вышла замуж, родила сына, вместе со страной пережила «...махровый застой, перестроечный бум непростой...» Сейчас радуется внукам, своей неизменной любви – природе, друзьям, пути которых постоянно пересекаются в ее ма-

стерской над закулисьем... Работает. Пишет стихи.

*Александр Рудт, член Союза писателей России,
Ольга Исаченко*

* * *

«...пока живи, пока есть еще «пока».
(С. Кирсанов)

Еще зовут восторженная даль,
бездонная свобода небосвода,
и станет важной каждая деталь
не скоро – за мгновенье до ухода.
Ну, а пока извечное «пока»
в уверенности мартовских капелей,
и легкие витают облака
над праздную беспечностью качелей.
Полжизни до ненастья, а потом?
Что нам готовит время для обоих?
А облака чрез окна входят в дом,
рисунком застывая на обоях,
ложатся, как граница, как межа
меж сном и тем внезапным пробужденье,
когда поймет прозревшая душа
загадку жизни: смерти и рожденья.

Из цикла «Времена души»

«Октябрь прошел – и ахнуть не успела...»

Октябрь прошел – и ахнуть не успела.
И, спутница нагрянувших тревог,
в мой город птица-вьюга залетела,
чтоб стать хозяйкой улиц и стихов.
А я все жду: когда и что случится,
и каждый день стою настороже,
я подружилась с белой вьюгой-птицей
и ощущаю холод на душе.
Она ж поет мне песню, что забыта
и ожидания сводит на zero
и в форточку, что ею же разбита,
забрасывает снежное перо.

«Всевластье ожидания зимы...»

Всевластье ожидания зимы
осадной и не связанной с утратой,
когда рождаются млечные дымы
те, что в родне с отравой сизоватой
отечества костров. Листва горит
по городам, чадит ботва по весям,
архангелы трубят, народ хандрит,
и у меня ни басен и ни песен.
Я под наркозом Брамса с неких пор
и вовсе не желаю просыпаться,
хотя еще возможен разговор
с тобою, чтобы как-то оправдаться
за нежность. Ты – не ты и я – не я,
не те безумцы гулкового начала
грозы. И в дезинфекции дождя
последнего, не музыка звучала,
так: треск, и шорохи, и в душу на заре
заглядывая, в ней хочу прибраться,
моя любовь осталась в октябре
ненужною среди хилых декораций
сумбурной пьесы.

Все. Молчу... молчу...

Свечу гасить, пожалуйста, не нужно,
пускай горит, пока не захочу
уйти

и дверью хлопнуть малодушно.

Не согрела меня и минула
та любовь, отыгравшая роль.
Вспоминаю, как сердце кольнула
незнакомая ранее боль,
или всплывшее в памяти имя?
Как, возникшее ранней звездой,
зрело тихое время предзимья —
предноябрьский природы простой;
как какие-то мелкие травки —
обезвоженные сорняки,
протянув стебельки из канавки,
простодушно просились в стихи
о прошедшем малиновом лете,
задремавшем в колючем стогу,
как звала эту зиму и ветер,
что на сопках корежит тайгу.

«Ты ночью вернулась, зима...»

Ты ночью вернулась, зима,
явив запоздалую щедрость,
хрупка обреченная нежность
Офелий, сошедших с ума,
но, снежно роясь, не солги,
хранимая властью природы.
И мы возвращаемся в воды
самообновленной реки.
Красиво – осмысленный ход —
в утратах искать вдохновенье...
Стоит средь двора в удивленье
растерянный мартовский кот.

«И новый век прикинулся незрячим...»

И новый век прикинулся незрячим,
чтоб подыграть лгуну и подлецу,
а очередь за счастьем и удачей
никак не приближается к концу.
Унынье — грех, печалиться негоже,
в застольном забываться кураже,
надрывное веселье не поможет
твоей святоукраинной душе.
Вот улицы как двоечника строки,
дома-пенсионеры, гаражи,
а на заборах вороны – пророки,
а на антеннах – голуби-бомжи почти
грачи саврасовской картины,
надежды приносящие весной...
А это кто глазеет из витрины,
так гениально притворившись мной?

«Неразгаданный мир – вот мое родовое село...»

Неразгаданный мир – вот мое родовое село,
а кондовости истин убогих страшусь и не верю.
Романтический ангел не спит, простирая крыло
и, взирая светло, предлагает отличные перья,
только я разучилась письму.
Заходя в магазин,
растеряла слова в записной немоте манекенов.
Чуток слух,
но, вдыхая асфальт и бензин,
зачарованно слушаю кожей мутацию генов,
превративших меня в существо без особых примет,
а деревья и травы все те же...
И вечность на плечи —
все теперь без меня.
На разломе стремительных лет
вновь учусь человеческой речи.

«Верна себе – от жизни отстаю...»

Верна себе – от жизни отстаю,
но в лето потихоньку проникая,
не в миг единый, но осознаю
изменчивость, к палитре привыкая,
как привыкают к новому жильцу,
сиречь – соседу, дома старожилы.
Глянь – а по всей округе запустило
летучим семенем – и ливень по лицу.
Обречена на счастье: в мир цветной
меня вписали щедрою рукою.
Бреду по лужам и шепчусь с листвою,
а лекари подумают: с собой.

«Я знала наперед: гроза пройдет...»

Я знала наперед: гроза пройдет,
и радуга таится рядом где-то.
Невнятно счастье. Но душа согрета
предчувствием неведомых свобод.
Архангел строгий, громыхнув крылом
в последний раз, умчал за чисто поле.
Свободы нет, зато какая воля,
какой покой блазнятся за окном!

«Вытри слезы, умойся...»

Вытри слезы, умойся,
впишись в законную ширь,
кровоотком грозы подыши,
разорви черновик,
подивись, как в подтеках грозы
зеленеет пустырь,
оцени обновленный пейзаж,
вспомни: «Жизнь – это миг
между прошлым и будущим».

Господи, сколько воды
в этой доле секунды,
длиной в человеческий век!
И не явится Ной-старина
из-за горной гряды,
для всего человечества
свой предлагая ковчег.

«Святое право: снова в жизнь влюбляться...»

Святое право: снова в жизнь влюбляться,
преодолев нахлынувший надлом,
от злой хандры природою спастись
и возвращаться в память – давний дом
с подковою над дверью, где встречает
в прихожей луч пронзающе-сквозной
и ветер ветки яблони качает
в окне и пахнет комната сосной.
Здесь скверны нет, лета благословлены,
как магов Вифлеемские дары,
и синькою подкрашенные стены
вмещают бесконечные миры.
Вхожу в него младенцем в мирозданье,
а где-то на далеком рубеже
остались коммунисты, марсиане
и специалисты по душе —
знакомые размноженные маски,
а здесь в почете кисть и карандаш
и первородны грезы доброй сказки.
Храни меня и впредь, как «Отче наш»,
обитель и мяуканья и лая,
маяк незатонувших кораблей,
моя держава звонкая земная,

неброская, как скромный соловей.

«Твердить, как некое заклятье...»

Твердить, как некое заклятье,
строку про наш державный дым,
и наблюдать в окно зачатые
уральских розоватых зим,
и отмечать себе их лютый
неукротимо-буйный нрав
ожесточенного Малюты,
и вспоминать свечение трав
пришла пора. В снегах Отчизны
о небе надолго забудь.
На пустырях разбойной тризны
перезимуем как-нибудь.
Но, убивая все тревоги,
оберегая чуткий слух,
невинно стелется под ноги
лебяжий пух...

«Заброшены и молчаливы...»

Заброшены и молчаливы
бараки. Стелется вьюнок.
В высоких зарослях крапивы
ржавеет старый чугунок.

Почудилось, что чьи-то будни
не время пресекло, а враг.
Звон тишины, и на безлюдье
невольно ускоряю шаг.

«За иконою окна в сосновой раме...»

За иконою окна в сосновой раме
сонный город да соцветия левкоя.
Застываю перед ней, как в божьем храме
тишины и небывалого покоя.

В блестках звезд голубоватых ночь бездонна,
горизонт – закатных туч самосожженье.
Что в глазах твоих, печальная Мадонна?
Ты ли это,
иль мое же отраженье?

«Наедине с мерцающей звездой...»

Наедине с мерцающей звездой
молчу – и мне в ответ молчит звезда.
Гул улиц иссякает сам собою,
из крана в кухне капает вода,
размеренную ноту повторяя,
и, с треском залетевшей стрекозы,
в звезды, в мое молчание ныряя,
остановились старые часы...

Мои слова... они покрыты пылью,
лежат до срока в вечной мерзлоте,
сегодня обреченные бессилью,
как бледный Бог, распятый на кресте.

«Облака над землею стремительно мчатся...»

Облака над землею стремительно мчатся,
не слышны голоса в опустевшем лесу.
Я приду, чтобы с ним до весны попрощаться,
и треногий этюдник с собой принесу.
А когда возвратятся пропавшие птицы,
уберу со стены желто-красный картон
и отправлю его среди хлама пылиться,
только это потом, это будет потом.
А пока я читаю неясные знаки письма
перепутанных мокрых ветвей
голых ив и осин в придорожном овраге,
и на сердце все чище, грустней и больней.

«Сменилось поколение травы...»

Сменилось поколение травы.
И ангелы ко мне благоволили,
любя, – и берегли и сохранили,
но две морщинки бритвою судьбы
прочерчены у век – цена за бред
ночей бессонных, горьких откровений,
тревоги неизбывной и сомнений,
житейских поражений и побед...
И промолчу у зеркала в тиши,
разглаживая тонкий шрам рукою,
о милости,
когда саднят и ноют
незримые царапины души.

Черный квадрат

Символ мироздания эпохи —
самый первый изначальный знак.
Не мистификация ль пройдохи —
втянутый в картон квадрата мрак?

В нем ни осознания, ни сознания
преимуществ зла или добра,
первый шаг в процессе созидания,
а по сути – черная дыра.

«Весною раннею убоги...»

Весною раннею убоги
странноприимные леса:
на сиротливые дороги
упали в лужи небеса.

В тепле, нагрнувшем до срока,
благослови метелей дни,
глотком березового сока
лихую зиму помяни.

«Я озябну сто раз и согреюсь, а снегу кружить...»

Я озябну сто раз и согреюсь, а снегу кружить,
грунтовать серый холст перекрестков, ложиться
на крыши.

Каково же в таком переснеженном городе жить —
очень скоро о том городские поэты напишут.

Да и мне индевелые строки писать не впервой:
мол, небесною мельницей новый январь перемолот...

Снежный ангел всплакнул над моею смешною судьбой
и растаял под воющей вьюги тоскливое соло.

Взгляд с перевала

Замру на взлете, прожитым болея
и будущностью грезя наяву:
переживет меня Кассиопея,
и я кого-нибудь переживу
в дни праведных трудов и развлечений.
Когда же начался коварный час? —
устаревает свежесть впечатлений,
которыми дарило небо нас.
Дарило звуком, запахом и знаком,
с разоблачением фокусов и без,
мистическим упрямым Зодиаком
включалось в многофакторный процесс —
язычества открытая могила...
И зреет вывод краткий и простой:
родные люди – те, кого любила,
да и люблю, навязаны судьбой?
Пусть! Вижу, точно с голубиной крыши,
взметнувшейся внезапно над Землей,
всех нас. Спасибо вам, кто ныне слышит
меня, за то, что вы всегда со мной.

«Когда листва лесная станет прахом...»

Когда листва лесная станет прахом
и ляжет по оврагам шелухой,
не поддавайся мимолетным страхам.
Не заразись вселенскою тоской.
Жива природа и в сезонном тленье,
пусть мысли, но не помыслы, черны
твои,
а не природы,
и олени
из Гансо-Христиановской страны
не за горами в карусельной гонке,
а мы сидим за чаем, вперив взгляд
в рябиновые листья на клеенке,
и никуда они не улетят.

«И снова Зодиак сомнет страницы...»

И снова Зодиак сомнет страницы
поры осенней, тающей поры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.